

Память. Начиная нажимать на кнопки и давить на рычаги своей боли и радости, поднимая в воспоминаниях клубы пыли, труху и мертвечину. Понимаю, что просто еще не отболело. Нужно порой как старикну выговориться и разболтаться.

Моя память — это только для меня. А ценность воспоминаний как опыт, чтобы кому-то передать, — так уже мой сын не поймет меня, как я когда-то не понимал воспоминаний своего отца.

И вот уже, я вам, читателям, незаметно намекаю на то, что читать меня дальше можно разве что из-за уважения ко мне. И если вам не спится, например.

Когда мы с Санькой появились на свет, государство наше было в одном рваном лапте и скакало на одной ноге в поиске второй лапты — вот-вот упадет. Наше появление принял 7-ой роддом и подарил нам золотистый стафиллококк. «Золотые дети» начала 90-х!

Тогда в России человек учился жить между Богом и Кашпировским, между пирамидами, между карточками, между милицией и парнями с неприятными лицами, между бесовственной жвачкой и красным от стыда партийным билетом — и прошлым. Во всей этой неразберихе можно было легко ошибиться.

Ошибались и наши родители. Ошибки людей имели даже накопительный эффект. Ошибки старшего поколения расхлебывали их дети. Ошибки самого государства отзывались в непоправимых, долго исправимых и страшных последствиях.

Моя мама не стала меня прививать западной вакциной. Нам тогда, как порой и сейчас, её бездоказательно предлагали в обязательном порядке. Надо и все тут. Мама отказалась и её «отлучили» от молочной кухни. Мама Сани привила свое чадо. Санька потом часто жаловалась на некрепкое здоровье, склонность к заболеваниям. Возможно, от прививок. Его мать на это часто ссылалась.

Мама Саньки подалась на чары Анатолия Чубайса и впуталась в гром-

кое дело с ваучерами. Чуть в петлю тогда не залезла.

Социальное неравенство породило нас с Санькой разными. Как сейчас вспоминаю: нам уже по 4 года, я выхожу из одного подъезда, он — из другого, у меня хлеб, намазанный густо сливочным маслом, а у него — хлеб с солью йодированной.

«Крать так хочется!» — говорит он.

И все-таки тогда он смел меня переубедить с необычайным артистизмом, что его хлеб вкуснее моего и совершить неравнозначный обмен! Но больше, конеч-

на одной стороне которой все, как на настоящей, а на другой — нарисованная сви- нья. Он на эту купюру умудрился купить нам жвачки, ловко всучив её продавщице нужной стороной. Его не успели поймать, а меня поймали. Но я его не выдал.

Помню, Санька подолгу сидел на дереве один до самой ночи. Домой идти не хотел, хотя на шее на веревочке висел ключ от квартиры, как колокольчик у теленка. Просто дома никого не было. Его мама работала допоздна. За компанию я часто сидел с ним. Но домой меня загнали раньше.

Егор
ЧЕРКАСОВ

но, мне хотелось просто его угостить.

Хотя иногда мы были в равных условиях. Государство щедро выделяло на меня и на него по 10 котлет. Помню, на наших записках красуется цифра «10», нарисованная химическим карандашом. Мы стоим в очереди, которую можно наблюдать из космоса в виде оттопыренного в кулаке среднего пальца, и нам тихо скучно. Убедив из очереди, мы хорошо получили от родителей людей. Поровну.

Какие мы с Санькой? Внешне — обычные дети. Дети чуждые, несмотря на то, благополучные или нет, и шалопайные, как все дети.

Но дети разных родителей с разными предсториями и разным отношением к окружающим действительности. А так, Санька — ушлый, с прищуром, как у сорокалетнего мужика, тертого жизнью (так он был похож на своего отца: он тоже так прищуривался), быстрый, где надо, ловкий, где надо, и несомненно умнее меня в практически смысле.

Я — ворона и ротозей, ною часто и чешу свои болячки под коленками — хлюпик диатезный. Зато честный. Бабушка рассказывала, как смеялся все семена растений в одну кучу.

А Санька — первый на районе ребенок-фальшивомонетчик! В его руке купюра,

И хотя мы дети, но на мне была кожаночка из Турции. Сзади нарисован байкер. В ней бы не лезть по деревьям и не прыгать с гаражей! Но тогда я не понимал, как тяжело все это доставалось моим родным.

А на работе, где трудилась мама Саньки, распустили рабочих, потому что нечем было платить им зарплату.1995 год. И теперь его мама работает в киоске Респечати. Хотя по образованию инженер! И вот на Саньке красуется куртка на два размера больше, с кого-то постарше, с рукавами длинными, как у Пьеро. Зато, когда холодно, мой друг заправляет куртку в штаны. И не гляди, что он — сын инженера! В куртке — вылитый космонавт. Только космос проворонен и лететь туда теперь никто не хочет. Да и не на чем.

А так, наши пути шли практически параллельно, и разная одежда, питание и воспитание не мешали нам общаться. И даже в первый класс мы пошли в одну школу, вместе, в один класс. Тогда мы добили перочинные ножки, потому что нам рассказали старшие ребята, как трудно учиться в школе новеньким.

И это была правда. До выпускного дня я не ходил в школьный туалет, где чинились расправы, унижения, где всегда царила блатная «романтика» и на подоконниках восседал весь блат-комитет школы.

Мой одноклассник держит район, другой умер, третий — сидит. Кажется это диким. Но тогда даже девочки мечтали общаться с сидельцами.

Спальный район. Несколько микро-районов, ребята нормальные, адекватные. А вот один поселок рабочего типа на отшибе района — этот поселок напоминал американское гетто со своими понятиями и правилами. Вот оттуда тоже направляли детей в нашу школу, разбавили ими все классы, и тогда впервые я стал учиться в обязательном порядке и сдавать не только русский язык, но и феню.

Мой Санька, друг детства, класса с восьмого тоже увлекся этой движухой.

«Я пацан с улицы, не то что ты!» — говорил он мне и был прав. Я попытался было

Рассказ

стыдиться своего происхождения, пытался сидеть вместе с ребятами с улицы за школой на трубах, но всегда был обречен знать от них про себя, что именно они — цветы пустынь, где ничего не растет, а вопреки всему растут именно они. Выгонять из компании не выгоняли, бить не били. Но и давали понять, что без моего отсутствия обойдутся спокойно.

Нас не учили,
в карманы деньги не совали,
И чем могли, лишь мы
друг другу все время помогали...

Я киваю рзпу в такт. Мне тоже нравятся проникновенные тексты группы «Многоotchие».

— А ты хрен ли киваешь-то? Много чего понимаешь? — предьявляет мне Санька. Я ухожу с труб.

А Саньку трубные пацаны приняли. Саньку полюбили. Санька свой. Саньке обещают туманную перспективу держать стоянки.

Я начинал терять друга. Мы становились все более разными. И не только социально, но и дальше, по жизни. Мне все больше нравилось петь. Пел в церковном хоре и в школьном.

А Саньку «аттестовали» в сортире школы. Окрестился он приводем в милицию. Взял на учет. Склонен к побегу. Способен пнуть милиционера и даже укусить. Особо опасен. Исключен из школы.

Он ютился с другими ребятами в подвалах, на крышах, трубах. И потом уже в ночных барах.

Я — стал кандидат на поступление в музыкальное училище. Решил связать свою жизнь с музыкой. Мои родители — госслужащие. В доме стоят рядком иконы. В девять вечера я уже дома. Если делать все правильно и хорошо — все будет хорошо. Мне одиноко без Саньки. Я слушаю Шопена и проникаюсь его грустью. Мы с ним солидарны.

Санька — стал кандидат на усповку. Полюбил блатных. Кстати, его отец застрелился, потому что был поставлен на счетчик. Но Саньке было плевать на это. Он цитировал воров, и за его губой красовался

уже нет. Рассказ благополучно опублику- ют в Америке, и там читатели немного узнают о том, как хрипит в порывах и агониях загадочная русская душа 90-х.

Зачем я все это вспомнил и вам рассказал? Мальчик с последним айфоном, младше меня на лет десять, а то и больше, не знает, как перематывалась пленка аудиокассеты простым карандашом. И точно не поймет, почему я не хочу порой перематывать собственную жизненную пленку и возвращаться туда. В ту эпоху. И почему я корю себя за эту память, которая не дает спокойно отпустить время и лица.

В одном рассказе я сказал, что мы — дети 90-х, подростки нулевых. И еще добавлю, что мы теперь — взрослые, потерявшие что-то очень важное, и до сих пор, не найдя его в будущем, ищем в памяти прошлого.

На Мончаге новые дома. Туда въехали люди, которые не знают, что творилось на пустыре, который нынче называют «жилой комплекс». Старые люди и их нравы разбавляются молодыми людьми и нравами. В каждом дворе стоит камера. Безопасный двор, безопасный дом. Трубы несли, подвалы тоже. Мою школу покрасили и расширили. Новый директор, новые задачи. Они даже борются за лучшую школу района!

Модно быть айтишниками, и для этого есть все возможности. В руке детей телефон, да еще какой! Многие дети не знают, что хотят. Родители многих детей не знают, на какую диету посадить ребенка от ожирения.

Люди берут кредиты и не верят в «черный четверг». А если и будет, то не с ними. Люди стали жить лучше. Меньше брошенных на произвол судьбы. Меньше безработицы и социального неравенства. Это хорошо.

О Саньке помню я и близкие родственники. Деревянный крест на его могиле прогнил. Хотя дважды покрывали лаком.

Так зачем я все это вспомнил? Не знаю. Но мне во сне снится иногда, что все было иначе, а не так. Что все исправилось в лучшую сторону. Что, как тогда, наяву, из одного подъезда выхожу я, из другого — мой маленький друг Санька, и у меня, и у него справедливо в руке по бутерброду со сливочным маслом! Санька смеется, как ребенок, а не щурится, как побитый жизнью мужик, он сытый, довольный и благополучный, и живой.

Когда-то я подрабатывал ночным сторожем. Это не было мне в тягость. Две или три, иногда четыре ночи в неделю я охранял мастерскую (механизаторско-тракторную станцию) со складами.

Той ночью я сидел у костра. Холодная ночь, сижу спиной к воротам мастерской, обитым жестяными листами. Бегают блики огня по ржавому металлу, моя тень под ними сидит. Где-то среди безлюдного поля у кромки маленького перелеска.

У леса полные каштаны нахлебались дождевой воды. Осенние пары на мешки дней сверху надели. Уже собран урожай. Уборка закончилась, закончится и осень. Где-то река в глубокой балке, меловые лица в полотнох яров крутых. Сейчас печальнее очей не найдешь, чем её. Половецкой мадонны ноги в водах этих плескались.

Огонь-терпчина сок хурмы изливала, так и болтался, проливался. Запертые склады с зерном, сепитрой и соляровкой в молчании, осели как известь. Рядом кран-балка замерла. Застыл прицепной культиватор. Где-то на подстанции виднелась авария, света нет, поэтому я вышел из ка- морики сторожа и разжёл костёр на свежем воздухе. Телефона у меня тогда не было и развлекался лишь созерцанием ночной натуры земли ко-кто-у. А впереди за чахлыми берёзками вижу, что кто-то идёт, силуэт как сажа. Незнакомец подошёл и сел напротив.

А огонь пляшет, яркие языки, янтгарём кипит, смолой яркой и переплавкой золота кичится, пышет жаром. Лица у нас красивые от ответов, игры огненных язычков барашков в пламени.

Думаю, что у него на уме, откуда он и кто такой, что забыл здесь в такое позднее время, почему без машины, не стоит ли где-то поблизости за леском машина с его подеельниками?.. Подозреваю его в каком-то подвохе.

Его кожаная куртка выглядит пошленной, потрёпанна.

— В Киселёво пил кисель, — говорит он, а его смех при этом кажется мне странным, словно он хочет задеть, и к чему он говорит про Киселёво? Я бывал там, когда работал штурвальным на комбайне.

... «Клиновец» называется он. — В споре о марках автокранов он почему-то стоит упорно на своём неверном варианте названия, подозреваю, что он умышленно сводит всё к спору.

— Не, «Ивановец» есть, а «Клиновец» — это ты путаешь, нет такого. Есть «Клиничка».

В какой-то момент я поворачиваюсь назад, не крадётся ли ко мне кто со спины, не хотят ли проникнуть на склад, пока меня забывают и втягивают в обсуждение лишних подробностей и спорных тем. Думаю о дихотомии, всюду присутствующей в нашем мире, о дихотомии добра и зла и о том, что кто-то может сторожить, а кто-то может попытаться взломать замки, думаю о Христе и дьяволе.

В какой-то момент я даже задумался, чем защищаться-то мне, если он вытащит нож или обрез. Слева я заметил большую гайку диаметром с кулак и стало на душе чуть легче. Той гайкой можно было бы отбить атаку кинжала и выиграть время.

Но в дальнейшем наш разговор стал клеститься, я угостил гостя таранкой. Он словно подобрел.

... А крысы мелкалки, как фальшфейеры: наелись кукурузы и дала сева. Её обрабатывали тогда дождеводным гербицидом, от этого они и стали огненно-рыжими. Приспособлены почти к любой отраве. Уникальные выжи- вальщики. Ещё иду и под машину заглядываю, а они будто понимают и прячутся за колёса, — говорил он.

Ночной гость с папиросой во рту прибилжился к ко- стру. Затлел красный огонёк на конце папиросы.

— А байбаки сейчас в яругах впадают в спячку, видать.

Так мы проболтали около трёх часов. Незнакомец откланялся, если так можно ныне сказать, попрощался и ушёл. А куда он ушёл? Я и не заметил. Огромно Рос- сии море людское. Поля зернистые. Стальные трактора и грузовики твои поля, Россия, всё так же топчут, любя.

Я пошёл проверять склады. Открыл склад, распахнул двери, светил на зерно. И опасался, что незнакомец на самом деле спрятался поблизости, либо его дружки уже орудут в каком-то из зданий. Иду осторожно, боюсь засады. И отбиться мне нечем и поэтому подбираю

Алексей ФУНТ

Сизые обритые головы

Рассказ

или это древние кизяки до сих пор падают и от них черна она. А где-то гунна, приспешника культа солнца и огня, металлические котлы, броня и шлем зарыты. Колычуга там и колычез в ней, рядом мятый бутурлык-бехтерец. Тавро Евразии на челе этих предметов. Ручки котла с фигурками грибов, а тлен как жемчуг. Ржетленное по- чвой скрыто среди радиопярий. И мнутая вещь гуннов. Почва-пресс давит их, из жмыха выжимает мочь. Там первичноротый роет ходы.

По-гусиному гогочет луна и в открытом поле шляпу из фазаньих перьев мастерит. Печальное гоготание гу- сей сквозь дыры в куртке осеннего поля и роз стальных сеет вечная смена месяцев, лет и дней. Оставлены людьми поля. Уборка урожая закончилась. Запущенные полей, и я один на этих складах, сторожем однажды осенними ночами поработал. Аграрная Россия, в твоём сердце твоё зерно сторожил. Печальную осень у ко- стра. Перед огромными воротами сидел.

Как дым осень вошла в роши. «Зил» всё её по коле- ям мокрым, с фляжечкой она капельной, села на мешок джуктовый с буряком в кузове без верха. Кагульский чу- гун священный где-то под ними зарыт, побед кагульских мета, песнь. Вон он металл кагульский священный, в лунный диск налит русской крепкой рукой.

Сизые обритые головы-турнепы с сизой плёнкой грустных полей лежат, бесхозные будто. Сизую кра- дётся тлен к мятому корнелюду. Приятен печальный вид, ибо родной край под ногами. Осень синий язычок высунула, Сирин-птица. А с семенами морковника рас- сыпалась печаль. Как мой складной ножичек — не силь- нее поздней осени? Ножик, который я использовал для резьбы по дереву, сломался когда-то он. Увалили травы, кто-то на огороде потемну сжигает бурьян в кучах.

Моление Зосимы, Савватия и Германа над русскими полями незримо и вечно. И греет душу родного края тё- плый привет из полей.

Осень на озимых таскает за уши дикого кабана. Вихрь осенний понёс веяря и швырнул на конусо- видные курганы, а в них спят древние вожди и княж- ны. Женские чамчурсы тленом стаски, не поцеловать женской ножки. Не гонят больше вожди гурты. Бакла на столике лежала и истлела. Баклажничают, быть может, в этих конусах-курганах тайно. Но долбеж- ная баклага спрела. Коржавина всюду от металла. Клич вождей, голоса из чарок и чанов. Звон металла под почвой. Бурый порошок вместо акинака из рук сыплется. Поручи и киемиды тлеют, их жабы-оки- слы венчают с гумусом. Кавская-червяк теперь жилец очага, потухшего тысячи лет назад. Кони заржали, стояло за изголовьем, рёбра белеют под перегноем. Заунывный напев засылит из женской груди там вну- три конуса.

У у костра жмурю глаза и представляю, что уже пер- вый снег сыплется. И бреду сквозь снег с Су Дунно. А после снова будет лето, наслаждение всепоглощаю- щее белыми барашками на гребнях волн. Жгучего про- шлого гедония одбаёт там пылью белых круч и жаром изока-июна, месяца кузнечиков.

Игорь СМОЛЬКИН

Пасхальный свет в твоём окне

Рассказ

По большому счету всё самое главное у нас начинается в детстве. Для меня — это были далекие шестидесятые... В Чистый четверг на Страстной Седмиче мама, вернувшись с ра- боты пораньше, начинала красить яйца и печь пасхальные пироги. «Чистый четверг, — думал я. — Почему? В нашем доме и так всегда чи- сто — и в среду, и во вторник». Но мысли эти перебивал сдобный аромат из духовки, да и яйца, которые рдели в глиняной миске, тоже манили. «Хотя бы одно, самое маленькое», — мечтал я.

Почему эти крашенные яички из тех давних дней казались такими вкусными, желанной даже торта с орехами? Или это игра вообра- жения? Бог весть... Но и сейчас еще хочется протянуть руку туда, на пятьдесят лет назад, чтобы достать хотя бы одно такое красное па- сахальное чудо, прижать к щеке, поцеловать...

А как же долго тянулася тогда пасхальная ночь? Я представлял, что первым вскошу с по- стели и закричу: «Мама, Христос Воскресе!» И взяв ставшее уже разрешенным красное яич- ко, жаму его в руке носиком вперед и предло- жу маме испытать судьбу: «Кто победит? Чье яичко крепче?».

Но глубокой ночью я всегда засыпал, и утром меня будила мама:

— Христос Воскресе, сынок!
— Воистину Воскресе! — восклицал я с оби- дой в голосе из-за того, что проспал.

Но уже через минуту улыбался во всю ширь, потому что врученное мне мамой па- сахальное яичко всегда побеждало. А мне только мама умела подбирать для меня именно такие яичка-победители? А какое же оно было заме- чательное на вкус? Я буквально проглатывал его, и тянулся за вторым. Но мама отводила мою руку:

— Подожди сынок, попозже, нам еще идти на кладбище.

Зато христосоваться можно было сколько душе угодно! И с мамой, и с папой, и с дедом Митей и даже с соседом дядей Жорой — быв- шим моряком-балтийцем, потерявшем на фронте ногу.

Пасха Христова! Всё в этот день казалось чудом! Радостные птицы кружили в высоком небе, казались, они играют с солнцем, кото-

рое осыпало их золоты- ми блестящими-лучами. Оно пело, оно могло до- тянуться в этот день до каждого, будь он даже заперт в темном чулане, как некогда Буратино!

— Христос Воскресе! — кричал я соседским де- вочкам Ольге и Марине, когда они вместе с родителями проходили мимо нашего двора.

Но вот и нам приспела пора отпра- вляться в пасхальный поход, полный загадок и тайн. Наше шествие возглавлял дед Митя в на- рядном выходном пиджаке по случаю Пасхи. Далее следовала мама с отцом, держащие за руки моего младшего брата. А я, не соблюдая порядка, то забегал вперед, то отставал.

Мы шли навестить бабушку Ано, ушед- шую в путь вся ее жизнь еще до моего рожде- ния. Сколько себя помню в детстве, мы на- чинали этот день именно с этого. Вскоре мы входили в ворота Дмитриевского кладбища. О, сколько тут было тайн! И плачущая де- вушка на камне, и огромные чужуные кресты, и деревья до самого неба, густо усаженные во- роньими гнездами. Мы заходили в храм, и он встречал нас жаром от множества перепол- ненных огнями подсвечников.

Дед Митя, который шёл у нас богомоль- цем, христосовался с какими-то знакомыми ему людьми, мама писала записки, покупала свечи, а отец стоял в сторонке. Он тогда еще был не крещен и считал себя комсомольцем. Его вранья придет лет через двадцать, тогда он вместе с внуками примет Святое Крещение и вскоре обвенчается с мамой...

Мы шли по заросшим густыми кустар- никами кладбищенским аллеям, мимо ста- рых надгробий и крестов, хранящих имена каких-то неведомых мне коллежских ре- гистраторов и губернских секретарей, мимо офицеров и рядовых Первой Мировой и Великой Отечественной, уцелевших в пылу сражений, но не миновавших здешних мо- гильных камней, мимо верующих и отри- нувших Бога, но ждущих и взывающих о милости к нам, еще живым... Нет, конечно

же, не было тогда во мне таких мыслей, они могли лишь зреть где-то в самой сердечной глубине в крохотном зерне, посеянном там моей мамой...

Мы пересекали овраг и поднимались по склону холма к новым захоронениям пятиде- сятишестидесяти годов. Едва уместившись в тесной оградке ба- бушкиной могилы, мы слушали, как читает пасхальный тропарь дед Митя, приветствует покойную супругу пасхальным приветствием: «Христос Воскресе!», и принимали из рук мамы яички и кусочки пирога. Мама что-то рассказывала про ба- бушку Ано, дед Митя сосредоточен- но молчал. А я бродил по соседним могилам, читая имена тех, кто там погребен... Над нами кружили во- роны, сегодня для них был накрыт стол на каждом могильном камне: везде лежали яички, конфеты, пе- ченье, проспанное зерно — поми- нальная трапеза для пернатых за мертвых. Ведь Господь и такой дар приемлет и ниспосылает успешим милость...

Усталые, мы возвращались домой, где ждал праздничный пасхальный обед, для нас детей особенно долгожданный и радостный. Иногда кто-то окликал нас:

— Христос Воскресе!

— Воистину Воскресе! — отвечали мы.

Мы... Господи, какое чудо? Тогда ведь все были живы — и дед Митя, и мама, и папа, и брат Виктор — молодцы, счастливые...

Как же мало надо человеку для счастья! Немного солнца, кусочек пасхального пирога, красное яичко и родные лица рядом — живые и здоровые! И еще чтобы сердце стучало, отби- вая с каждым ударом волшебные слова: «Во- истину Воскресе Христос!».

И чтобы пасхальный свет обязательно по- реп в твоём окне!

Хранит душа те дни из детства,
Любой — как золото на вес!
Мы восклицали с мамой вместе:
Христос воистину Воскресе!
Яички рдели на оконце.
Дышали счастьем куличи,
Блестало радостное солнце,
Даря волшебные лучи...
Еще закрыты были храмы
В селеньях дальних и окрест,
Но слышал я в те дни от мамы:
Восста Христос! Христос Воскресе!
Казалось, рада еся планета —
И океан, и темный лес...
И мы, «испольнившая света»,
С земли входили до небес!
И нынче будет, как и прежде, —
Случится чудо из чудес! —
Восстанем в вере и надежде:
Воистину Христос Воскресе!